

Т. А. Гончарова

К вопросу об этнической идентичности белорусов Томской области¹

Изучение этнической идентичности в современной гуманитарной науке, включая этнологию, принадлежит к числу приоритетных направлений. Особый интерес представляют проблемы этнической идентичности различных переселенческих групп, которые вынуждены были приспосабливаться к новой этнокультурной среде. В их числе и белорусы, ставшие неотъемлемой частью сибирского сообщества.

В конце XIX – в первые десятилетия XX в. в границах современной Томской области сформировалась сеть белорусских поселений. Местами их наибольшего скопления стал пригород г. Томска, а также территории нынешних Шегарского, Кривошеинского и Кожениковского районов, некогда входивших в состав обширной Богородской волости. Можно назвать лишь некоторые из поселений – деревни Ново-Александровка, Майган, Журиловка, Вознесенка, Георгиевка и др. Часть белорусских деревень была населена белорусами-католиками. К их числу относятся Константиновка, Петровск и Ломовицкий, располагавшиеся в границах современного Первомайского района. В последнем из перечисленных поселений имелся католический костел. Белорусы-католики проживали также на территории нынешнего Кривошеинского района, где католический компонент был представлен еще поляками и латышами.

Не претендуя в рамках статьи на исчерпывающее решение проблемы, обратим внимание на динамику этнической идентичности белорусов, переселившихся в Сибирь, и факторы, обусловившие ее у белорусов.

В автостереотипе православных белорусов присутствовало представление о близости с русскими. Мнение о том, что «белорусы отличались от русских» обычаями [12, л. 86–87], являлось скорее исключением. Гораздо чаще ими подчеркивалось, что «обычай у белорусов были те же, что у русских» [12, л. 21]. Уместно привести рассуждение о своих предках-белорусах жителя д. Ягодное: «Родители приехали из Витебской губернии. Они были русскими, хотя у отца сохранился белорусский акцент немного» [12, л. 23].

Сходная ситуация наблюдается и применительно к гетеростереотипам. Исследователи уже обратили внимание на то, что и старожилы-сибиряки воспринимали белорусов как русских переселенцев, а не как представителей другой нации [2, с. 67–68]. Характеризуя население д. Бароковка, информатор отметил следующее: «Люди там жили приехавшие из России, кто откуда, нерусских там не было, русские да белорусы» [12, л. 58]. Жители д. Перовки про своих соседей-белорусов говорили так: «Хоть и жили в Белоруссии и были белорусами, но от русских отличались только языком, а так ничем» [12, л. 80].

В этнической идентичности белорусов-католиков,

согласно архивным документам, существенную роль играл конфессиональный фактор. В материалах 1920-х гг. применительно к белорусам, проживавшим в границах Кривошеинского района, сохранились следующие характеристики: «...У них еще национально-го самосознания нет, а только религиозное» [1, с. 50], «...Сперва считаются католиками, а потом только различаются на поляков и белорусов» [15, л. 15 об].

Этническая идентичность переселенцев в новом этнокультурном пространстве неизбежно подвергается проверке, часто с последующей трансформацией. Активный дрейф этнической идентичности у белорусов наблюдался довольно рано. Обратившись к изучению этноса в границах Приобья в первые десятилетия XX в., Е. Ф. Фурсова пришла к выводу о размытости этнического самосознания переселенцев из западных губерний России: будучи выходцами из одних мест, по прошествии десяти лет проживания в Сибири они могли записываться и «русскими», и «белорусами» [13, с. 97].

В делопроизводственной документации 1920-х гг. удалось обнаружить своего рода версию сроков «обрусения». В отчете по одной из деревень значилось: «Состав населения Березовки – русские», а в скобках сохранилось следующее пояснение: «Белорусы, проживают в Сибири 20 лет» [11, л. 7].

Процесс смены этнической идентичности белорусским населением Сибири в 1930-е гг. отмечал заведующий секцией Сибирского краевого статистического отдела А. И. Слуцкий: «...Детей, родившихся в Сибири, часто записывали не по своей национальности... Если же взять белорусов... показатели их рождаемости по своей народности еще ниже, чем украинцев, и еще более определенно говорят о неполноте регистрации по белорусской народности». Свои наблюдения он подтверждает цифрами: в Томском округе от 25 333 белорусов родилось 286 детей [9, с. 24]. Парадоксальность приведенной статистики как нельзя лучше иллюстрирует начавшийся дрейф этничности.

Столь быструю смену этнической идентичности Е. Ф. Фурсова связывает с тем, что в самой Белоруссии не было четкости в вопросах этнической идентичности населения, а также с тем, что переселялись из региона не только этнические белорусы, но и русские [13, с. 97]. Кроме того, сюда следует добавить фактор этнической близости, о котором уже упоминалось, и одинаковую конфессиональную принадлежность – православную.

Динамику этнической идентичности белорусов в сельских поселениях хорошо позволяют проследить похозяйственные книги. В качестве примера обратимся к ситуации в д. Верх-Бровка Кривошеинского района, население которой в 1930-е гг. было исключи-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Этническая идентичность восточнославянских народов в этноконтакт-

ных зонах Томской области (конец XIX – начало XXI в.)», проект № 10-01-64104 а/Т.

тельно белорусским [4]. В начале 1960-х гг. в деревне белорусов насчитывалось 102 чел. [5], что составляло более половины жителей. В похозяйственных книгах, датированных 1986–1990 гг., белорусами записалось лишь 4 чел. [10], или 6% жителей, остальные — русскими. Как видим, делопроизводственная документация отражает завершившийся процесс смены этнической идентичности. Однако за кадром остаются факторы, обусловившие эту смену.

Особо хотелось бы обратить внимание на динамику этнической идентичности белорусов-католиков. Приверженность части белорусов католицизму обусловила их сближение с поляками. В ситуации этнического выбора белорусы-католики могли склониться к самоидентификации с поляками, при этом оказывался задействованным «фактор престижа». К тому же окружающее православное население стимулировало выбор, называя белорусов-католиков «поляками» [14, с. 103]. Похозяйственные книги 1930–1940-х гг. д. Осинька показали, что представители одной семьи записывались и «католиками», и «поляками», и «белорусами», и только с 1940-х гг. наметился перевес в пользу

этнонимов «белорус» и «поляк», причем подавляющее большинство носителей фамилии определяло себя как поляки [3]. Встретился еще один интересный вариант самоидентификации — «белорусские поляки-католики» [6, л. 2].

Однако белорусы Томской области в альтернативности ситуации отдали предпочтение русской идентичности. В течение XX в. белорусы-католики самоидентифицировались в качестве русских. Об этом свидетельствуют похозяйственные книги д. Петровской и д. Ломовицкой [7, 8].

Таким образом, уже в первые десятилетия включения в сибирское общество белорусы слабо выделяли себя среди русских. Принадлежность к католицизму для белорусов играла важную роль в поддержании собственной инаковости в ситуации православного большинства и могла провоцировать двойственность в этническом самоопределении. Вместе с тем религиозный фактор в стратегии выбора новой идентичности не сыграл принципиальной роли. Дрейф этнической идентичности белорусов, как православных, так и католиков, был в пользу русской национальности.

Источники и литература

1. Из истории земли Томской. Сибирский Белосток: сб. материалов и док. Томск, 1998. 239 с.
2. Майничева А. Ю. Диаспоры и проблема «третьего поколения переселенцев» в Сибири // Этносоциальные процессы в Сибири: Темат. сб. поляками, при этом оказывался задействованным «фактор престижа». К тому же окружающее православное население стимулировало выбор, называя белорусов-католиков «поляками» [14, с. 103]. Похозяйственные книги 1930–1940-х гг. д. Осинька показали, что представители одной семьи записывались и «католиками», и «поляками», и «белорусами», и только с 1940-х гг. наметился перевес в пользу
3. Муниципальный архив администрации Кожевниковского района. Ф. 11. Оп. 1. Д. 11.
4. Муниципальный архив администрации Кривошеинского района. Ф. 42. Оп. 1. Д. 8.
5. Муниципальный архив администрации Кривошеинского района. Ф. 42. Оп. 1. Д. 160.
6. Муниципальный архив администрации Первомайского района. Ф. 91. Оп. 1. Д. 3.
7. Муниципальный архив администрации Первомайского района. Ф. 4. Оп. 1. Д. 156.
8. Муниципальный архив администрации Первомайского района. Ф. 4. Оп. 1. Д. 270.
9. Охолина Н. Радзима на карте области // Территория согласия. 2005. № 3–4 (8–9). С. 24–26.
10. Похозяйственные книги д. Верх-Бровка (1986–1990 гг.).
11. ТОКМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 72.
12. ТОКМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 592.
13. Фурсова Е. Ф. Белорусские переселенцы Приобья по данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 года и похозяйственных книг 1920-х годов // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: Материалы VII Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию Омск. гос. агр. ун-та и 180-летию агр. науки в Зап. Сиб. (27–28 марта 2008 г.) в 3 ч. Омск: Изд-во Омск. агр. ун-та, 2008. Ч. 1. С. 93–97.
14. Фурсова Е. Ф. Традиционно-бытовые особенности культуры белорусов-переселенцев конца XIX — начала XX в. (по материалам этнографических экспедиций) // Белорусы в Сибири. Новосибирск, 2000. С. 102–124.
15. Центр документации новейшей истории Томской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1550.

Н. С. Грибанова

Полотенце в свадебной обрядности русского сельского населения Алтая в конце XIX — начале XXI в.

Этнографы, изучавшие вопросы материального оформления традиционных обрядов восточнославянских народов, неоднократно отмечали значимость и многофункциональность полотенец в свадебной обрядности. Используемое на всех этапах традиционного ритуала, полотенце наряду со множеством других материальных компонентов придавало ему этническую, этнографическую и локальную специфику. Так, для всех восточных славян характерно использование полотенца в качестве приданого невесты, предмета убранства избы жениха и свадебного поезда, предмета дарения родственникам жениха и участникам свадьбы, атрибута участников свадьбы или существенного элемента обряда (обертывание рук полотен-

цем, расстилание ширинки под ноги молодым при венчании, встреча молодых с хлебом-солью), элемента свадебного костюма невесты [23, 27]. Однако как у русских, украинцев и белорусов в целом, так и у различных групп русских отмечается значительная специфика в способе использования полотенца на одних и тех же этапах, в выборе материала, размерах и орнаментации свадебных полотенец, в их наименовании и количестве.

Анализ полевых и музейных материалов показал, что в свадебной обрядности русского населения Алтая в конце XIX — начале XX в., в отличие от регионов Европейской России, полотенце выполняло все вышеперечисленные функции, кроме последней.